

П о в е с т ь а к т р и с ы

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

29 ИЮН 1979

Помню, как Катя Маркова из Щукинского училища пришла в Московский тюз. Она принесла с собой то, что необходимо художнику (начинающему и зрелому в равной степени!): непохожесть, свое понимание человеческих поступков, характеров и умение воссоздавать их на сцене. Мы сразу доверили ей многие главные роли. А в спектакле «Мой брат играет на кларнете» она, не произнося на сцене ни единого слова, умела мимически так ясно проявить свою самобытность, что становилась любимницей юного, но отнюдь не снисходительного зрительного зала.

Потом Катя перешла в «Современник», и я с радостью констатировал, что она покоряет артистической естественностью, искренностью, предельной душевной самоотдачей уже взрослых зрителей.

И вдруг встреча с талантливой актрисой в ее уже новом качестве, прямо скажем, неожиданном для меня. В первом номере журнала «Юность» за этот год я прочитал ее повесть «Чужой звонок». Может, это другая Екатерина Маркова? Нет, под фамилией было написано: «Актриса театра «Современник».

Начал читать и все увереннее убеждался: да, она. И в другом жанре искусства Екатерина проявляла уже знакомое мне умение глубоко проникать в человеческую психологию, в сложные человеческие взаимоотношения, передавать другим свое понимание справедливости и добра. Дарование актрисы и литератора как бы соединилось.

«Чужой звонок»... Это звонок человека, который для героини повести был когда-то вовсе не чужим, а родным и даже любимым. Трудная судьба, возникшая не по чьей-то злой воле, а из-за семейных обстоятельств, подчас не подвластных нам, не дала осуществиться призванию и способностям прекрасного (быть может, самого лучшего в классе!) парня. Но школа уже давно позади... И молодая женщина по прозвищу Кузя, поскольку фамилия ее —

Кузнецова, мысленно судит не трудные семейные обстоятельства, выпавшие на долю Игоря, а прежде всего... себя. Любя в не столь уж далекие школьные годы мальчишку, она могла бы стать его нравственной опорой, его спасением. Но не стала, не нашла в себе сил. Она устроила свою жизнь «легко» и «удобно», но эти слова не являются синонимами слов «ярко» и «интересно». Она, именно она, должна была стать фундаментом уверенности Игоря в себе, не соломинкой, за которую хватается утопающий, а твердой рукой любящего друга. Но не кинулась в воду, не протянула руки. Впрочем, Игорь и не утонул, он не погиб в буквальном значении этих понятий: только вот не осуществилось, не сбылось то, ради чего, вероятно, он был рожден на свет.

Кузя судит себя. И сама возможность этого очистительного суда говорит о ее больших духовных силах, увы, дремавших и не проявивших себя в нужный момент, но, мы верим, разбуженных «чужим звонком». Эта вера и одухотворяет повесть благородным оптимизмом.

Мне рассказали, что в редакцию «Юности» приходят десятки писем от благодарных читателей. Но прежде всего дорого, конечно, не благодарность, а то, что молодые читатели примеряют поступки, думы, страдания Кузи «на себя». Так всегда происходит, когда они встречаются с произведением ярким, талантливым. И (опять употребляю это слово!) самобытным: незаемный язык, своя манера мыслить и выражать мысли. А главное, мысли — это очень важны для людей, вступающих в жизнь. Они — о святой необходимости сострадать чужой беде, приходить человеку на помощь. Повесть Екатерины Марковой, как и ее публицистика, была по справедливости высоко оценена на недавнем VII Всесоюзном совещании молодых писателей.

Павел ХОМСКИЙ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР.